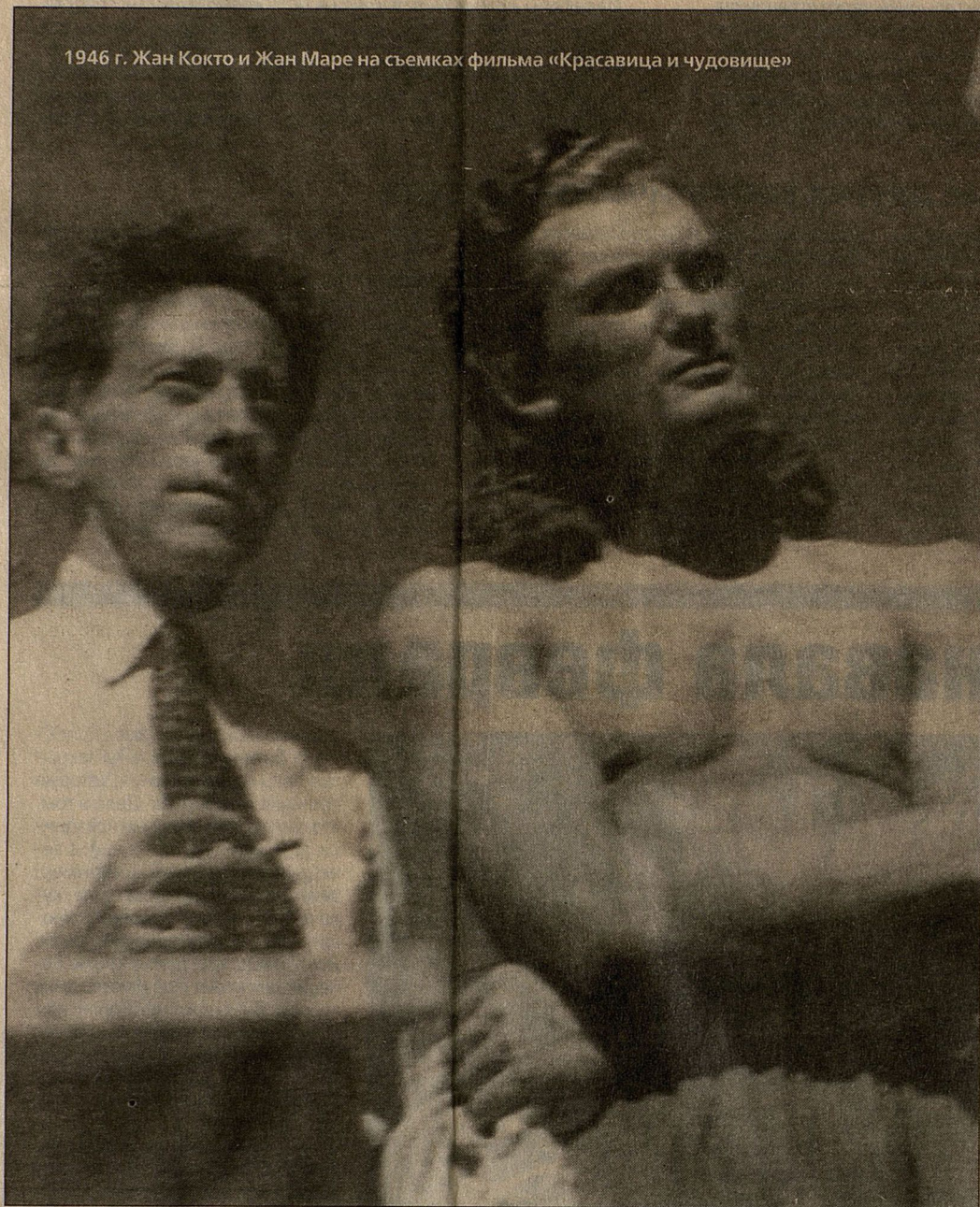

«Жан Кокто продолжает жить во мне»

1946 г. Жан Кокто и Жан Маре на съемках фильма «Красавица и чудовище»

Книга воспоминаний знаменитого французского актера Жана Маре «Непостижимый Жан Кокто» вышла в издательстве «Текст».

Известия 2004 — 5 апреля, с. 13

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Популярность Жана Маре и Жана Кокто у российской публики просто не сопоставимы. Пропорции будут здесь примерно такие же, как, например, при сравнении известности «Графа Монте-Кристо», «Железной маски» и фильмов о Фантомасе с известностью «Завещания Орфея», «Двуглавого орла», «Красавицы и чудовища». Жан Маре играл во всех. Жан Кокто выступил режиссером лишь трех последних.

Ситуация довольно забавная, если учесть, что сам Маре считал, что он всем обязан Кокто. Причем обязан настолько, что даже встречает своим днем рождения. А вот получается, что «медиум», посредник в российском сознании, вытеснил «демиурга», творца. Дело не только в том, что фильмы с Жаном Маре знают, а фильмы Жана Кокто (даже с тем же Жаном Маре) не знают почти вовсе. Творчество Жана Кокто, одного из самых ярких французских художников первой половины XX века, поэта, драматурга, кинорежиссера, критика, эссеиста, у нас представлено весьма фрагментарно. Более основательное представление о Кокто читатель получит, когда завершится издание его трехтомного собрания сочинений издательством «Аграф» (на сегодняшний день вышли два тома). Впрочем, и два вышедших тома ситуацию изменили.

С мемуарами Жана Маре дело обстоит несколько иначе. Книга о Кокто не первое издание его воспоминаний («Жизнь актера» Жана Маре уже благополучно прочли).

Впрочем, «Непостижимый Жан Кокто» не вполне воспоминания. Скорее уж панегирик, славословие, восхваление друга и учителя. Жан Маре говорит в основном об участии Жана Кокто в его жизни, судьбе и карьере (например, за него, за Жана Маре, писал статьи, которые тут же и цитирует), защищает от нападок (Бретона, например) и недобросовестных воспоминаний (Клода Мориака), ну и, разумеется, пытается показать «непостижимость» Кокто, масштаб его дарования и богатство натуры.

Полемический пафос для российского читателя не слишком очевиден или очевиден не для всякого. Более того, это относится и к размышлениям Маре о некоторых (порой весьма важных) чертах и свойствах личности Жана Кокто. Маре, скажем, пишет о замечательном таланте рассказчика Кокто, однако примеров почти не приводит. Говорит о пьесах и спектаклях Кокто, представление о которых у российской публики довольно смутное. Рассказывает о «светскости» знаменитого поэта (при его открытой нелюбви к свету), судить о которой нашему массовому читателю тоже довольно трудно. Утверждает, что Кокто полностью избавился от наркотической зависимости и перестал быть «опиоманом», но и об этой губительной страсти Кокто знают далеко не все.

Сетовать здесь не на что. Дело даже не в отсутствии подробных комментариев. Просто сам Жан Кокто до сих пор у нас остается в тени.

А потому апофеоз Кокто в воспоминаниях Жана Маре можно считать своего рода преамбулой к освоению и осмыслению художественного наследия выдающегося французского писателя.

Жан Маре. Непостижимый Жан Кокто Фрагмент из книги

Происходили и другие необычные и странные вещи. Как-то во время репетиции «Орфея» в квартире Жана Кокто, едва Марсель Эрран успел произнести фразу: «С помощью этих перчаток вы сможете проходить через зеркало как сквозь воду», в глубине квартиры раздался страшный грохот. От высокого зеркала в ванной осталась только рама. Весь пол был усыпан мелкими осколками.

Глемвей Уэскотт и Монро Уилер (богатые американцы, эстеты, входившие в 20-х годах в круг друзей-«опиоманов» Жана Кокто. — Прим. пер.) приехали в Париж на премьеру «Орфея». По дороге в театр, на бульваре Распай, такси столкнулось с другим автомобилем. От удара стекло их машины разлетелось вдребезги, и в разбитое окно просунулась голова белой лошади (один из персонажей спектакля «Орфей» и фильма «Завещание Орфея» — человек-лошадь. — Прим. пер.).

Когда «Орфея» играли в Мексике, в момент сцены вакханок произошло землетрясение, в результате которого был разрушен театр и ранено несколько человек. После восстановления театра постановка «Орфея» была возобновлена. Вдруг на сцену выходит режиссер и объявляет, что спектакль придется прервать. Актер, игравший Орфея, не успев пройти через зеркало, упал замертво за кулисами театра.

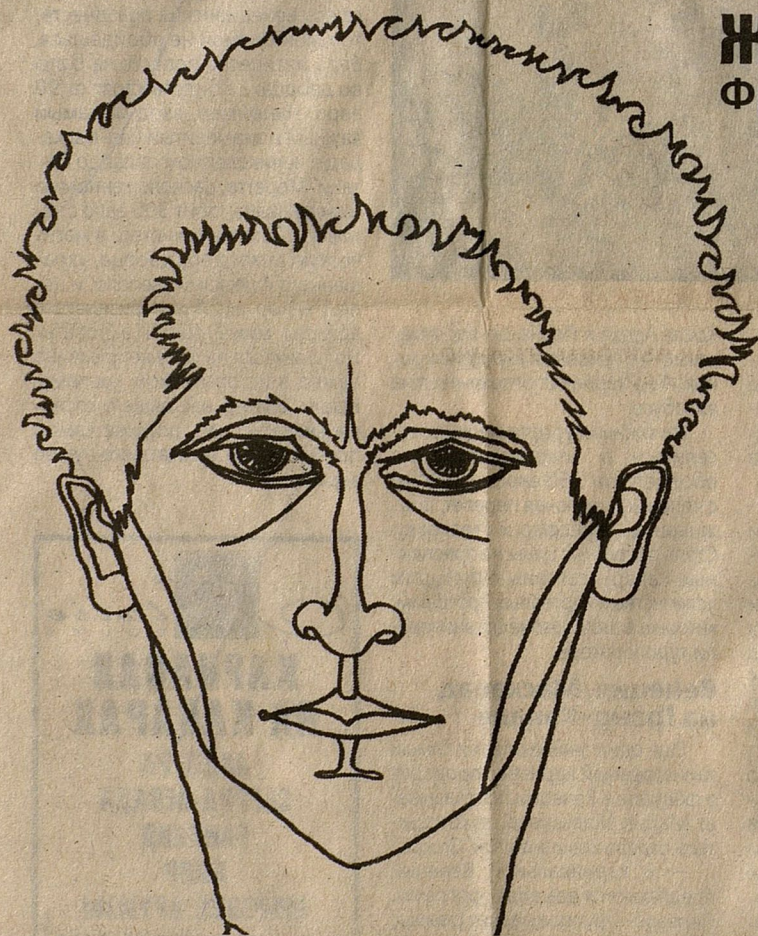
Жан Кокто рассказывал, что под влиянием наркотиков ему случалось засыпать на полсекунды и видеть бесконечно долгие сны.

Однажды, отправившись навестить Пикассо, жившего на улице Ла-Боэси, и войдя в лифт, он почувствовал, что рядом с ним находится что-то огромное и ужасное, пришедшее из вечности, и что сам он тоже увеличивается в размерах. Это что-то рядом с ним кричало: «Мое имя на табличке!» От толчка лифта он проснулся и прочитал на табличке с кнопками управления: «Лифт Эртебиза». Вечером он лег спать, но вскоре внезапно пробудился, и сон больше не шел к нему. Это имя — Эртебиз — было как навязчивое. Ангел вселился в него, и ощущение присутствия внутри себя этого рожденного воображением существа становилось нестерпимым. Он не мог ни спать, ни жить. Нужно было освободить его и освободиться самому... «Вставай!» — услышал он. — Я буду диктовать».

На седьмой день в семь часов вечера «Ангел Эртебиз» стал поэмой и освободил его.

На следующий день Кокто был приглашен на обед к Пикассо. В доме на улице Ла-Боэси он вошел в лифт и взглянул на медную табличку. На ней была указана марка изготовителя «Отис Пифр». Эртебиз исчез.

Пер. с фр. Елены Турышевой. — М.: «Текст», 2003.

1937 г. Жан Кокто. Рисунок Жана Маре